

Научная статья

УДК 070.4

doi: 10.17223/26188422/17/8

Тема сибирской ссылки и каторги в цикле очерков Д. И. Завалишина «Письма о Сибири» («Московские ведомости», 1864–1866 гг.)

Елена Владимировна Перевалова¹

¹ *Московский политехнический университет, Москва, Россия, helenpv@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется цикл очерков Д. И. Завалишина «Письма о Сибири», опубликованный в 1864–1866 гг. в газете «Московские ведомости». В очерках поднимались вопросы освоения Сибири, рассматривалась роль края в пенитенциарной системе России. Подчеркивается, что Завалишин одним из первых поднял проблему экономической целесообразности ссылки, степени эффективности труда ссыльнокаторжного населения Сибири, влияния ссылки на нравственность осужденных и жизненный уклад местных жителей края. Публицист видел богатый экономический потенциал сибирских территорий и активно поддерживал идеи их развития, но при этом отрицал существенный экономический эффект от использования ссыльнокаторжного труда и связывал дальнейшее освоение Сибири исключительно с добровольным переселением. Выявлено, что многие выводы Завалишина подтверждаются данными современных исследователей.

Ключевые слова: Д. И. Завалишин, «Московские ведомости», Сибирь, добровольное переселение, принудительная уголовная ссылка, экономическое развитие, нравственность

Для цитирования: Перевалова Е. В. Тема сибирской ссылки и каторги в цикле очерков Д. И. Завалишина «Письма о Сибири» («Московские ведомости», 1864–1866 гг.) // Вопросы журналистики. 2025. № 17. С. 114–136. doi: 10.17223/26188422/17/8

Original article

doi: 10.17223/26188422/17/8

The theme of Siberian exile and penal servitude in Dmitrii Zavalishin's series of essays *Letters about Siberia* (*Moskovskie Vedomosti*, 1864–1866)

Yelena V. Perevalova¹

¹ *Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru*

Abstract. The article examines Dmitrii Zavalishin's series of essays *Letters about Siberia*, published in 1864–1865 in the newspaper *Moskovskie Vedomosti*, the leader of conservative periodicals of those years. Following Fyodor Dostoevsky and Sergei Maksimov, Zavalishin was one of the first in Russian journalism to raise the issue of the vicious practice of using exile to Siberia as a punishment. The relevance of the study of this issue is due to the growing interest in the role of the Russian conservative press in the political and socio-economic life of Russia in the second half of the 19th century, as well as the need to study the historical experience of the penitentiary system of the Russian Empire in the context of the need to improve correctional labor institutions in modern Russia. The scientific novelty of the research is determined by the lack of knowledge of the role of Russian periodicals in this issue and consists in the introduction of little-known publications into scientific discourse. Zavalishin's essays examine the economic feasibility of using Siberian territories as places of exile, the degree of effectiveness of the work of exiled convicts, and the impact of exile on the morals of convicts and the way of life of local residents of the region. The authenticity and persuasiveness of the essays are given by the author's long-term observations of the life and customs of Siberians, his own experience of life in the Siberian region. Being personally familiar with the range of problems related to penal servitude and exile, Zavalishin saw the rich economic potential of Siberia and actively supported the ideas of developing the Siberian region, but at the same time denied the significant economic effect of using exiled forced labor. The publicist associated the further development of Siberian territories exclusively with voluntary resettlement and persistently argued that forced exile not only lacks economic benefits, but also has an extremely negative effect on the morals of both the exiled themselves and the indigenous Siberians, and therefore cannot become the basis for its further successful development. It has been demonstrated that many of Zavalishin's conclusions are confirmed by the data of modern researchers. *Letters about Siberia* reflected the steady interest of Russian post-reform society in the subject of exile, contributed to the awakening of social

activity, the formation of a negative image of exile in the Russian press, anticipating this topic in the works of Vladimir Korolenko, Nikolai Yadrintsev, Anton Chekhov, and Aleksandr Skabichevsky.

Keywords: Dmitrii Zavalishin, “Moskovskie Vedomosti”, Siberia, voluntary resettlement, forced criminal exile, economic development, morality

For citation: Perevalova, Ye. V. (2025) The theme of Siberian exile and penal servitude in Dmitrii Zavalishin’s series of essays *Letters about Siberia (Moskovskie Vedomosti, 1864–1866)*. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 17. pp. 114–136. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/17/8

Постановка проблемы

Обширные сибирские территории начали использоваться как место ссылки неугодных власти лиц еще в конце XVI в. Однако лишь в годы правления Петра I сибирская ссылка приобрела организованный характер и заняла важное место в государственной карательной системе, став в XIX в. наиболее распространенным наказанием в Российской империи. По данным «Исторической энциклопедии Сибири», в XIX в. в край было сослано более 900 тысяч ссыльных всех категорий [1]. При этом правительство преследовало не только пенитенциарные цели, изолируя таким образом преступников от общества, но и экономические: освоение малонаселенных и необжитых земель, основание поселений, строительство дорожной сети, развитие сельского хозяйства, разработку месторождений полезных ископаемых и т. п.

Обширность территории, ее удаленность от центральных губерний империи, хронический недостаток рабочих рук и т. д. – все эти факторы делали Сибирь идеальным местом ссылки. В первые пореформенные десятилетия, вследствие обеднения значительной части крестьянства и усиления криминальной напряженности, число сосланных в Сибирь значительно выросло: если в 1850-е гг. их численность составляла чуть более 70 тысяч, то в 1860-е она выросла более чем в полтора раза и составила 123 543 чел., а в следующем десятилетии – уже 173 039 ссыльных, т. е. в среднем Сибирь принимала ежегодно более 17 тысяч человек [2, с. 30]. Неудивительно, что вопросы, связанные с организацией ссылки, добровольным и принудительным заселением края, неизменно привлекали внимание общественности и неоднократно поднимались в отечественной печати 1860–1870-х гг.

Одним из первых, кто обратился к этой теме, был Ф. М. Достоевский, в документальной повести которого «Записки из Мертвого дома», опубликованной в 1861–1862 гг. в журнале «Время», отразились собственные впечатления писателя от четырехлетнего пребывания на каторге в Омске. Поднятая Достоевским тема нашла продолжение в очерках писателя-этнографа С. В. Максимова, который в начале 60-х гг. был командирован Морским ведомством в Сибирь для исследования тюрем, каторги и быта ссыльнопоселенцев. Результаты этой поездки нашли отражение в очерках «Несчастные», опубликованных в 1868 г. в журнале «Вестнике Европы», затем в серии статей «Народные преступления и несчастия», напечатанных в 1869 г. в «Отечественных записках», и, наконец, в изданном в 1871 г. трехтомнике «Сибирь и каторга». Публикация работ Достоевского и Максимова произвела сильное впечатление на современников и послужила толчком к появлению в 1860–1880-х гг. большого числа газетных и журнальных публикаций. К сожалению, значительная часть этих выступлений до сих пор остается вне поля внимания исследователей. Несмотря на то, что история становления и развития сибирской каторги и ссылки, динамика численности уголовных преступников, география их размещения, организация труда и быта, деятельность органов управления каторгой, тюрьмами и местами поселений и тому подобные вопросы всесторонне изучены в трудах А. А. Иванова [3], С. Л. Курас, Т. Л. Курас [4], К. К. Кораблина [5], А. Д. Марголиса [2], И. В. Упорова [6] и др., роль печати в освещении особенностей пенитенциарной политики и практики России в Сибири по-прежнему исследована явно недостаточно. Данному вопросу посвящены статьи Н. И. Горской [7], С. Г. Пятковой [8], А. М. Хламовой [9], однако в них рассматривается освещение лишь отдельных аспектов «каторжной темы» в журналах второй половины XIX в., тогда как весьма обширный массив публикаций в газетной периодике до сих пор остается почти не исследованным.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть проблемы каторги и ссылки, затронутые в цикле очерков Д. И. Завалишина «Письма о Сибири», опубликованных в 1864–1865 гг. в газете «Московские ведомости», – лидере консервативной периодике тех лет. Актуальность исследования обусловлена усиливающимся интересом к роли отече-

ственной консервативной печати в политической и социально-экономической жизни России второй половины XIX в., а также необходимостью изучения исторического опыта пенитенциарной системы Российской империи в контексте необходимости совершенствования исправительно-трудовых учреждений современной России. Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью роли отечественной периодики в данном вопросе и состоит во введении в научный оборот малоизвестных публикаций.

«Декабрист без декабря» Дмитрий Иринархович Завалишин

Судьба публициста Дмитрия Иринарховича Завалишина (1804–1892) весьма необычна. Его отец – генерал Иринарх Иванович Завалишин воевал вместе с А. В. Суворовым, пользовался большим доверием выдающегося военачальника и был одним из самых близких ему лиц, позже участвовал в нескольких военно-морских экспедициях, а в годы правления Александра I служил военным начальником в Астрахани и некоторое время – по ведомству путей сообщения. Предполагалось, что сын повторит путь отца и станет профессиональным военным: Дмитрий Завалишин окончил Морской кадетский корпус, в 1822–1824 гг. участвовал в кругосветном плавании под командованием М. П. Лазарева, зарекомендовав себя как грамотный и храбрый офицер. Однако по возвращении в Петербург молодой человек сблизился с К. Ф. Рылеевым и другими будущими декабристами. О причинах, толкнувших его в ряды заговорщиков, сегодня можно лишь предполагать. Историк А. Н. Кравцов, исследователь архива Дмитрия Завалишина, полагает, что интерес к тайному декабристскому обществу у него возник вследствие честолюбия и непомерного самолюбия, а участие в заговоре стало «одним из проявлений его авантюристического характера». «Честолюбивый и властолюбивый, – пишет исследователь, – Завалишин не хотел упустить случая примкнуть к тому движению, которое, в случае его успешного конца, могло бы выдвинуть его в первые ряды политических деятелей; но, далеко не уверенный в победе этого движения, Завалишин готовил себе и мост для отступления» [10, с. 41].

Несмотря на то, что в состав тайного общества Завалишин так и не вошел и в восстании на Сенатской площади участия не принимал, в

январе 1826 г. он был арестован по обвинению в согласии с умыслом царевубийства и приговорен к двадцати годам каторжных работ в Сибири. Впоследствии этот срок был сокращен до тринадцати лет, по истечении которых в 1839 г. Завалишин был переведен на поселение в Читу. По свидетельству товарищей по каторге и читинской ссылке, он всегда держался с ними отчужденно, вызывая тем самым в свой адрес с их стороны также настороженное отношение. «В среде людей, быть может, слишком увлекшихся, но горячо любивших свое отечество, преследовавших лишь одну цель – общее благо людей, гордившихся своими цепями и судьбой, он не мог, не должен был чувствовать себя в своем кругу, – вспоминал о взаимоотношениях Завалишина с другими ссылными декабрист А. Ф. Фролов. – Цепи были для него позорны, положение свое он называет падением. Но несчастье уравнивает всех. Поэтому к его положению относились снисходительно и с сожалением. Его не чуждались, но он себя внутренне сознавал чужим среди нас. Этим-то снисхождением и сознанием нравственного превосходства товарищей он тяготился целые 12 лет. Это естественно должно было развить в нем озлобление» [11].

Замкнутый и высокомерный с товарищами по несчастью Завалишин в то же время пользовался доверием и расположением сибиряков, помогал им осваивать различные ремесла, разводить ранее неизвестные в Сибири овощи и фрукты. Живя в Чите, он с увлечением занимался изучением сибирского края и даже составил карту Забайкалья. Когда после восшествия на престол Александра II декабристам была дарована амнистия и они получили возможность покинуть места ссылки, Завалишин отказался вернуться и продолжал разрабатывать проекты дальнейшего развития Восточной Сибири, получив известность как один из наиболее компетентных специалистов в этой области. Энциклопедически образованный, хорошо знавший Забайкалье и его интересы, увлеченный идеей общественного служения Завалишин начал заниматься литературой и активно публиковаться в журнале «Морской сборник» – официальном органе военно-морского ведомства. Он писал о нуждах Приамурья и Восточной Сибири, бедственном положении этого богатейшего края, неправомерности его насильственного заселения, разоблачал злоупотребления местной администрации, критиковал ошибки, допущенные в ходе колонизации При-

амурия и т. п., что в итоге привело к острому конфликту публициста с местными чиновниками и вынужденному переезду в европейскую Россию. По версии мемуариста Н. А. Белоголового, Завалишин был выслан из Сибири за обличительные публикации по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского [12], однако эта версия оспаривается декабристами П. Н. Свистуновым и А. Ф. Фроловым [13], полагавшими, что выдвигаемые Завалишиным обвинения в адрес генерала не имели под собой оснований и не могли стать причиной применения к нему административных мер.

Поселившись в Москве, Завалишин вернулся к литературным занятиям и долгие годы оставался постоянным сотрудником изданий влиятельного журналиста М. Н. Каткова: газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», регулярно печатая в них свои воспоминания и очерки о Сибири и Дальнем Востоке, конкуренции России и Америки в этом регионе, российско-китайских торговых взаимоотношениях и др. Его выступления, отличаясь несомненными художественными достоинствами, в то же время носили ярко выраженный проблемный характер, в них поднимались многие насущные проблемы сибирского края, раскрывались перед читателями факты произвола и насилия со стороны местной администрации по отношению к коренному населению и переселенцам из европейской части России и т. п.

Очерки «Письма о Сибири» стали первым крупным произведением Завалишина, напечатанном в «Московских ведомостях». Цикл состоит из десяти писем, публикация которых растянулась более чем на полтора года: первое письмо появилось в газете в октябре 1864 г., последнее – в мае 1866 г. Будучи хорошо знаком с кругом проблем, связанных с каторгой и ссылкой, публицист поднял в очерках вопросы, которые, на его взгляд, имели первоочередное значение, когда речь заходила об использовании территорий Сибири в пенитенциарных целях. Он одним из первых затронул проблему экономической целесообразности ссылки и каторги, степени эффективности труда тех, кто оказался в сибирском крае не добровольно, а был доставлен принудительно, по этапу. Во-вторых, публицист попытался ответить на вопрос, способствует ли пребывание осужденного в Сибири его нрав-

ственному исправлению и избавлению от порочных наклонностей. Наконец, им был поставлен вопрос о степени влияния ссыльнокаторжного населения на жизненный уклад и нравственность местных жителей края. Искренне убежденный в необходимости досконального изучения того, «каким образом устраивался внутренний быт, под влиянием каких обстоятельств слагался особенный характер населения» [14] Сибири, Завалишин полагал, что привлечение внимания общественности к ссыльнокаторжной тематике будет способствовать тому, что на обширных сибирских землях со временем удастся установить «рациональные идеи, систему и труд» [15].

Достоверность и убедительность очеркам придают многолетние наблюдения автора за бытом и обычаями сибиряков, его собственный опыт жизни в сибирском крае. В тексте неоднократно встречаются ремарки, свидетельствующие, что многие факты становились известными публицисту благодаря его непосредственному общению с коренными сибиряками и «принудительными переселенцами» – теми, кто оказался в Сибири не по своей воле: «мы пользовались полным откровением простого народа и из откровенных рассказов убедились...», «по собственным признаниям преступников», «нам лично известен случай...», «мы из именных примеров на месте знаем...», «случай, слышанный нами лично от главного участника...», «мы знавали лично многие семьи...» и т. п. Приступая к работе над очерками, Завалишин, по его собственным словам, стремился избежать «одних и тех же избитых описаний, преимущественно внешнего быта, без проникновения во внутренний смысл и причины явлений», которыми, по его мнению, грешила большая часть публикаций о сибирском крае, и ставил перед собой задачу «изучить настоящее положение Сибири, <...> изложив наблюдения и оправданные уже опытом мнения, которые могут содействовать к составлению более правильного понятия об истинном положении Сибири и к указанию того, чего требует истинная ее польза» [16].

«Лучшие, единственно полезные и успешные колонизаторы могут быть только те, которые идут сознательно на лишения и труд...»

Начав еще в XVI в. осваивать сибирские земли, правительство России предполагало превратить их, с одной стороны, в источник сы-

рьевых ресурсов, с другой – в места сбыта продукции, произведенной в центральных губерниях [17, 18]. С этой целью на этих территориях начал формироваться административный и военно-полицейский аппарат и делались попытки увеличить численность их населения. Однако добровольные переселенцы явно не могли обеспечить потребность края в человеческих ресурсах, а ссыльные и каторжные к середине XVII в. составляли лишь чуть более 10 процентов населения Сибири (примерно 8 из 70 тысяч человек) [5, с. 57]. Когда же в XVIII в. стали открываться серебряные рудники в Даурии, нерчинские горные промыслы, горные заводы в Екатеринбурге, фабрики в Иркутске и т. п., то увеличение числа рабочих рук превратилось в неотложную потребность, вследствие чего с начала XIX в. правительство стало еще более интенсивно внедрять «штрафную колонизацию», рассматривая насильственную высылку как едва ли не основное средство обеспечения сибирских рудников, заводов и других предприятий дешевой рабочей силой. Чтобы закрепить высылаемых уголовных преступников на сибирских землях и побудить их к оседлому образу жизни, а также сократить количество побегов, их отправляли туда вместе с семьями, заселяли в специально для этих целей выстроенные поселки, снабжали скотом и земледельческими орудиями. Число ссыльных в Сибирь неуклонно росло: с 1861 по 1898 гг., по данным Главного тюремного управления, в край было сослано 543,8 тыс. человек, включая членов их семей, добровольно последовавших за ними [5, с. 58].

В «Письмах о Сибири» Завалишин неоднократно указывал на большой экономический потенциал и высокую производительность сибирского края, главное достоинство которого, по его мнению, состояло, с одной стороны, в близости и «непосредственном соединении» с центральными регионами России, а с другой – в огромной протяженности сибирских территорий [15]. Публицист был категорически не согласен с теми, кто видел в Сибири «не более как хорошее место для ссылки» и смотрел на нее лишь «как на средство для достижения других целей, чуждых краю» [16]. Он с восторгом пишет о возможностях и преимуществах, которые открываются в Сибири для тех, кто не боится трудностей, умеет и готов работать: «В то время как в большей части России почти все уже составляет чью-то соб-

ственность, <...> в Сибири для трудящегося человека до сих пор еще открыты все роды промыслов промышленности и занятий. Сколько непочтой земли для пашни! Сколько покосов! Не только пашни, но и луга поливные. Лес как для построек, так и для всяких поделок, почти у всех всегда под рукой. Обширные озера и огромные реки доставляют превосходного рода рыбу. Для скотоводства многие места представляют самые изобильные местности из всей России, и мясо вообще превосходного качества. Улов зверей как для мехов, так и для пищи, редко бывает неудачен, не говоря уже об особенной случайной выгоде (например, от рогов изюбра, дорого ценимых в Китае). В южных частях Сибири везде возможно пчеловодство. <...> мы знали места в Сибири, которые, по плодородию почвы, назывались «Египтом»; мы знали другие, где гусей и свиней кололи единственно для сала. <...> На большей части Сибири крестьянин жил в хорошей избе, был зимой тепло одет, имел разнообразную мясную и рыбную пищу и пшеничный хлеб» [19].

Но богатства Сибири, по мнению Завалишина, доступны только тем из колонизаторов, которые «сознательно идут на труд прямой и положительный, на опасности, лишения и необходимость терпеливого перенесения всего, но с решимостью и уверенностью, что их труд все преодолеет, все победит» [19]. Наибольших успехов, по наблюдениям публициста, достигают добровольные переселенцы – выходцы из Архангельской, Вологодской, Новгородской и других северных губерний, чей жизненный опыт подсказывал, что без тяжелого труда, без лишений и терпения добиться успеха невозможно, но «при сибирском приволье разумный труд будет непременно и притом обильно вознагражден» [19]. «Еще мы застали в живых сохранившиеся типы таких колонизаторов, и даже знали лично одного, который, придя с женой и сестрой из Вологодской губернии, начал с того, что построил себе *зимовье* из лиственницы так, что в избышке было, правда, всего четыре венца, но из деревьев толще обхвата человеческого», – рассказывает Завалишин об одном из таких первопоселенцев, о тяжелых неудачах, постигших его в первый же год жизни в Забайкальском крае, о том, как ему пришлось вернуться из-за Байкала в Тобольскую губернию. «Проработав там и заработав настолько, что мог снова пуститься для возобновления своего предприятия, – продолжает свой

рассказ публицист, – он кончил тем, что в третьем колене его семейство состояло уже из многих десятков душ, населяло большую и лучшую часть деревни, имело дома как русские помещики средней руки, выстроило каменную церковь, расширило свою деятельность на целый край и вышло в купцы, не покидая земледелия. Таковы и должны быть настоящие колонизаторы», – подводит итог Завалишин [19].

Напротив, ссылку и «штрафную колонизацию» как основной инструмент освоения сибирского края публицист оценивал крайне негативно, отрицая какой-либо существенный экономический эффект от использования ссыльнокаторжного труда. Он убежденно доказывал, что «штрафное население не способно содействовать развитию» и не только «никогда не было полезно для развития страны, но постоянно было возмущающею и задерживающею естественное развитие стихией» [19], и потому ссылка не может быть выгодна в экономическом отношении. Публицист был решительно не согласен с предположениями, что ссылка обеспечит рабочими руками сибирскую промышленность, и, ориентируясь на собственные наблюдения, утверждал, что «из поселенцев огромное число всегда находится в бегах» [20], даже несмотря на создаваемые для них благоприятные условия. В доказательство он описывал современное состояние нескольких казенных поселков, основанных в Сибири по императорскому указу еще в 1830-е гг. для расселения ссыльных. Тогда в центральных и южных округах Енисейской губернии было организовано 22 поселения для 5955 ссыльных с целью «через усредоточенный надзор и занятие в хлебопашестве, удержать преступников от побегов и праздности» [21, с. 16]. Публицист, посетивший эти места уже в конце 1850-х гг., нарисовал крайне убогую картину, которая предстала перед его глазами: «Поселенцы разбежались; дома стоят с заколоченными окнами, все обзаведение пограблено... из числа сосланных женщин лишь малая часть представляла одну только возможность способности к основанию семейства. <...> очень часто женщина, даже способная по летам и здоровью к основанию семейства, нравственно была к тому неспособна, предпочитая разгульную жизнь семейной» [14]. Еще более безрадостную картину Завалишин обнаружил в селениях для ссыльных евреев, где все мальчики поголовно верстаются в кантонисты, а «для нарождавшегося женского поля не представлялось другой будущно-

сти, как выходить замуж за какого-нибудь вновь прибывшего или овдовевшего ссыльного из евреев», и бывали случаи, когда 13-летняя девочка была вынуждена идти замуж за 80-летнего старика, только что овдовевшего [14]. По мнению публициста, эти селения – «самый резкий образец в этом роде, поглотивший огромные суммы бесплодно», и «ни нравственное улучшение, ни вещественное упрочение селений и развитие их не были возможны» [14]. Правда, современные историки В. И. Царев и Н. О. Васильев, основываясь на архивных источниках, изображают картину, несколько отличающуюся от той, которая представлена в очерках Завалишина: так, в августе 1853 г. в Ермаковской – одной из самых крупных деревень, основанных в 1830-е гг. в Енисейской губернии, было: «казенных домов – 134, из них занято жителями: домов – 50, половин – 53; пустых домов – 31, половин – 53; годных к исправлению домов – 13, половин – 40; негодных к исправлению домов – 18, половин – 13. Некоторые жители на лицо, некоторые в отлучке на вольных работах и золотых промыслах, некоторые умерли и под судом»; в 1855 г. на территории Ермаковской, которая уже стала называться селом, было отведено место под постройку школы, началось строительство церкви [22, с. 203]. Однако стоит принять во внимание, что архивные документы, цитируемые современными авторами, представляют собой сведения официальные, и их составители, по всей вероятности, стремились несколько приукрасить реальное положение вещей, тогда как описание Завалишина – это свидетельство очевидца, причем явно незаинтересованного в представлении увиденного в более привлекательном свете. Его выводы подтверждаются и результатами проведенной в 1870-х гг. в Енисейской губернии переписи населения, согласно которой только 22 процента ссыльных имели свое жилье и 13 процентов обладали земельными наделами, лишь 43 процента поселенцев жили в отведенных им местах, причем 15 процентов из них составляли старики и инвалиды и 7 процентов – одинокие и нуждающиеся, тогда как 57 процентов «находились в неизвестном отбытии» [23, с. 265]. При этом данные переписи включали только тех ссыльных, которые находились на общественном учете, и не включали исчезнувших без вести. Очевидно, что общая численность «безвестных» поселенцев, предпочитавших бродяжничество труду и оседлому образу жизни,

была значительно выше. Данные переписи убедительно свидетельствуют в пользу утверждений автора «Писем» о низкой эффективности труда ссылнокаторжного населения.

Выводы Завалишина о нерентабельности использования «штрафного переселенческого населения» находят убедительное подтверждение в трудах современных исследователей. Так, С. В. Архипов и Г. С. Шкабин отмечают отсутствие позитивных результатов «в достижении должного колонизационного эффекта» путем организации поселений ссыльных [24]. По мнению В. И. Власова и Н. Ф. Гончарова, «по сравнению с вольным переселением, колонизационная роль ссылки была невелика. Для прочной и широкой колонизации Сибири ссыльнопоселенцы представляли неустойчивый, текучий элемент, склонный к совершению преступлений» [25, с. 39]. Крайне невысоко оценивает попытки государства упорядочить ссылку и привлечь поселенцев к обязательным работам и полезной трудовой деятельности Е. С. Сальникова, подчеркивая, что даже те из ссыльнопоселенцев, «кому посчастливилось найти себе занятия, работали менее эффективно, чем крестьяне-сибиряки. Для многих жизнь на свободе, в местах поселения была ничем иным, как постоянным скитанием в поисках пропитания и жизни впроголодь» [26, с. 212].

«Несомненно, что ссылка не достигает филантропической цели – исправления преступников»

Помимо экономических целей, «штрафная колонизация» Сибири преследовала и другие задачи: насильственное перемещение лиц, переступивших закон, на постоянное жительство в отдаленный регион должно было, с одной стороны, избавить центральные губернии России от преступных элементов, а с другой – предполагалось, что борьба за выживание и тяжелый труд в условиях сурового сибирского климата послужили бы не только наказанием, но и поспособствовали бы исправлению и даже нравственному возрождению преступников. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что этой цели достичь не удалось. А. И. Макарова отмечает, что «основная масса ссыльных по нежеланию, неспособности к физическому труду, старости, тунеядству все же не занималась земледелием или скотоводством. Среди них было немало бродяг, людей, не привыкших

к труду, поэтому, не желая работать, они поступали на содержание местного инородческого общества» [27, с. 56]. Как пишет Е. С. Сальникова, «большинство ссыльных не стремилось улучшить свое положение с помощью заработанных денег и не понимали важности экономии и борьбы с соблазнами. Рабочие, получив за лето на рудниках значительные суммы денег, в основной своей массе оставляли деньги в питейных заведениях» [26, с. 210]. Если для первых поколений сибирских поселенцев Сибирь стала родным домом, и их усилия были направлены на улучшение условий проживания, то дальнейшее увеличение населения Сибири путем принудительной высылки критически увеличивало массу преступного элемента и сказывалось не только на экономике края, но и на нравственности коренных сибиряков. Асоциальное поведение уголовных ссыльных, количество которых резко выросло во второй половине XIX в. и которые начали занимать детерминантное положение в обществе, не могло не оказывать влияния на местных жителей. Изучив характер взаимоотношений ссыльных с коренным населением, исследователи А. А. Сысоев и Д. Б. Кавецкий пришли к выводу, что ссылка привела к недопустимо высокому уровню криминализации Сибири и «стала мощным источником распространения уголовной субкультуры, заметно воздействовавшей на местное население, формируя у него пагубные стереотипы поведения и создавая в результате благоприятную среду для дальнейшего развития преступности» [28, с. 102–103].

Многолетние наблюдения за жизнью и обычаями сибиряков и большой опыт общения как с местным населением, так и с ссыльно-каторжными позволили Завалишину прийти к выводам, близким тем, которые сделаны современными историками. С одной стороны, он отвергал саму мысль, что человек, совершивший уголовное преступление, окончательно испорчен и уже не способен к нравственному возрождению, и был уверен, что «весьма нередко в народе первое преступление бывает следствием не столько окончательной нравственной порчи, сколько несчастных обстоятельств» [14]. Общение с сибиряками убедило его, что в глазах местного населения ссыльные преступники и сами предстают жертвами и потому заслуживают в первую очередь не столько осуждения, сколько сочувствия. Косвенным подтверждением этому, по его мнению, можно считать обще-

принятую среди жителей Сибири традицию именовать всех без исключения ссыльных «несчастливыми» и оказывать им посильную помощь и поддержку. «Сибиряки сострадательны к так называемым «несчастливым», – пишет Завалишин, – они не только подают подаяния в остроги и при проходе партий через селения, но и до сих пор вы увидите женщин, выходящих из селений с подаяниями на большую дорогу и терпеливо ожидающих прохода партии. Выставляют в деревнях, особенно летом, когда люди в отлучке, съестные припасы в подаяние «проходящим», т. е. беглым ссыльным, идущим иногда целыми партиями» [20].

В то же время публицист вынужден констатировать, что «люди, приходя на место водворения в Сибири, находятся обыкновенно в худшем нравственном состоянии, нежели было то, в котором они совершили преступление, подвергшее их суду и ссылке» [14]. Задавшись вопросом, что же заставляет человека, по натуре честного, не жестокого и зачастую оступившегося не сознательно, а вследствие случайно сложившихся обстоятельств, забыть о законах нравственности и отказаться от общепринятых норм человеческого общежития, публицист пришел к мысли, что основной причиной низкого нравственного уровня ссыльных становится долговременное содержание осужденных во время предварительного следствия в острогах. Именно там длительное соседство с закоренелыми преступниками вольно или невольно вынуждает их перенимать нравы и привычки преступного мира, а продолжительное путешествие к месту ссылки в пересыльных партиях «отучает их от труда и делает их неспособными к начатию вновь оседлой жизни» [14]. В результате осужденные, по словам Завалишина, «неминуемо окончательно развращаются», вплоть до того, что «иной неважный преступник, стыдившийся в начале и не слишком важного своего преступления, впоследствии стыдится уже, что сделал такое ничтожное, когда другие могут хвалиться несравненно большим» [14]. Сходную картину публицист наблюдал в селениях, населенных штрафными солдатами, зачисленными в казаки, где нравственное состояние, по его словам, «было самое отчаянное»: «У нас, говорили мне дети из одного такого селения, – цитирует публицист, – нет другого разговора между стариками, которых мы рассказы постоянно слушаем, как похвалбы насчет

удальства в обмане, плутовстве, воровстве...» [14]. Автор с горечью констатировал, что в некоторых местах Сибири в ходу поговорка: «Что двор, то вор; а где два двора, там два вора»...

Завалишин предположил, что ссылка может стать средством исправления только тогда, когда в новом месте человек будет «лишен возможности удовлетворять тем порочным наклонностям, которые и вовлекли его в преступление», и когда он будет «поставлен в положение, заставляющее его волей или неволей трудиться...» [20]. По его мнению, суровые условия жизни в Сибири и постоянный тяжелый оседлый труд могут помочь преступнику встать на путь нравственного исправления только при условии изоляции от соблазнов – кабаков, большой дороги и других факторов, позволяющих жить случайными заработками и воровством, а иначе ссылка никогда «не достигает филантропической цели – исправления преступников» [20] и ведет к прямо противоположным результатам, нравственно уродуя как самих ссыльных, так и коренное население Сибири.

Публицист критиковал распространенную в Сибири практику расселения ссыльных в крупных поселках и «подселения» их к оседлым жителям, обладающим всеми гражданскими правами. По его мнению, эти меры не только не оправдывались в экономическом отношении, но и вели к падению нравственности как среди самих ссыльных, так и среди коренного населения: «До какой степени отравляет весь быт, извращает все занятия присутствие и одного негодяя, не то уже что в доме, а в целом селении, до того времени совершенно спокойном, – писал Завалишин. – Хозяин в доме уже не в состоянии будет производить то же количество работы, если будет принужден употреблять часть времени на то, чтобы принимать разные меры для охранения себя и своей собственности от товарища-негодяя. Ясно, что такое умножение населения не ведет нисколько к увеличению благосостояния страны, что оно приносит не пользу, а вред: мешает труду, а не умножает его» [14].

Весьма скептически Завалишин оценивал попытки властей поощрять браки в ссыльной среде, чтобы таким образом «остепенить» и «укоренить» ссыльнопоселенцев, стимулировать их к отказу от бродяжничества и к ведению оседлого образа жизни. По его наблюдениям, малочисленность женщин среди ссыльных вела к широкому рас-

пространению так называемых «амурских свадеб», в которых отношения между мужчинами и женщинами носили случайный, временный характер и нередко лишь способствовали распространению в «штрафных поселениях» венерических болезней. «Нам лично известен случай, – пишет Завалишин, – что из двадцати обвенчанных пар, на другой же день несколько пар поступили в венерический госпиталь; а какие нравственные последствия должны были выйти из такой профанации брака!» [14].

Сравнительно невысокий уровень преступности в Сибири публицист объяснял тем, что многие преступления просто-напросто остаются скрытыми [20], а также суровостью сибирского климата и большими расстояниями, делающими почти невозможными грабежи в зимнее время года. Он отмечает, что и ценность человеческой жизни в Сибири невелика, и зачастую сибиряки могли расправиться с преступниками, если те «не идут спокойно и вздумают “шалить”» Кроме того, так как награда за поимку беглых каторжников невелика и выплачивалась нерегулярно, то нередко поимщики из числа местных жителей просто убивали пойманных, чтобы завладеть их одеждой. Безусловно, в ответ на подобную жестокость беглые и сами нередко шли на убийства. Безусловно, подобная практика явно не способствовала ни смягчению нравов, ни исправлению преступников.

Подводя итоги своих размышлений, Завалишин констатировал, что «везде население Сибири развивалось не от ссылки в нее большего или меньшего числа уголовных ссыльных, а вопреки этому; что только там и было возможно развитие населения, где оно вовсе не принимало в свой состав ссыльных или где прекращалось приселение новоприсланных, и что слабое население Сибири объясняется не условиями страны, а наполнением ссыльными, да еще недостаточной администрацией [14].

Заключение

«Письма о Сибири» отразили устойчивый интерес российского пореформенного общества к ссыльнокаторжной тематике. Вслед за Ф. М. Достоевским и С. В. Максимовым Завалишин одним из первых в отечественной публицистике поднял вопрос о порочной практике использования ссылки в Сибирь как меры наказания. Будучи твердо

убежден, что условием процветания сибирского края может быть только добровольное переселение, публицист настойчиво доказывал, что принудительная ссылка имеет слабый экономический эффект, крайне негативно влияет на нравственность как непосредственно самих ссыльных, так и коренного населения сибирского края, и потому не может стать основой для его дальнейшего успешного развития. Очерки Завалишина способствовали пробуждению общественной активности, формированию негативного образа ссылки в отечественной печати, предварив эту тему в творчестве В. Г. Короленко, Н. М. Ядринцева, А. П. Чехова и А. М. Скабичевского [29–32].

Список источников

1. Ссылка в Сибирь в XVII – первой половине XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_pолоvine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 3.02.2024).
2. *Марголис А. Д.* Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М.: Изд-во «Лантерна»; «Вита», 1995. 207 с.
3. *Иванов А. А.* Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (27). С. 42–53.
4. *Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л.* Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII–XVIII вв.) // Научный диалог. 2023. Т. 12, вып. 2. С. 320–335.
5. *Кораблин К. К.* К вопросу об использовании труда ссыльнокаторжных при освоении и заселении Сибири и Дальнего Востока в XVI – начале XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 1 (39). С. 54–68.
6. *Упоров И. В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 332 с.
7. *Горская Н. И.* Тюремная реформа и ее отражение на страницах «Вестника Европы» и «Русского вестника» // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 3 (43). С. 324–342.
8. *Пяткова С. Г.* Политическая ссылка на страницах журнала «Русский архив» второй половины XIX – начала XX века // Современные проблемы науки и

- образования. 2023. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9712> (дата обращения: 10.02.2025).
9. *Хламова А. М.* «Бабы здесь потерянные...» Образ уголовной ссыльной в Сибири на страницах общественно-политических журналов второй половины XIX века. [Электронный ресурс]. URL: <https://bsk.nios.ru/content/baby-zdes-poteryannye-obraz-ugolovnoy-ssylnoy-v-sibiri-na-stranichah-obshchestvenno> (дата обращения: 10.02.2025).
 10. *Кравцов А. Н.* Письма декабриста Д. И. Завалишина к редактору С. Н. Шубинскому: взаимоотношения автора и издателя в конце XIX века // *Россия и современный мир*. 2023. № 1 (118). С. 34–62.
 11. *Фролов А. Ф.* Воспоминания Александра Филипповича Фролова. По поводу статей Д. И. Завалишина // *Русская Старина*. 1882. Т. 34, № 5. С. 465–482.
 12. *Белоголовый Н. А.* Из воспоминаний сибиряка о декабристах. Часть XVI // *Русские мемуары. Избранные страницы 1826–1856 гг. : сборник*. М. : Правда, 1990. 733 с.
 13. *Гессен С. П. Н.* Свистунов и А. Ф. Фролов в борьбе с Д. И. Завалишиным // *Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / под ред. Ю. Г. Оксмана*. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. II. С. 227–240.
 14. *Завалишин Д. И.* Письма о Сибири // *Московские ведомости*. 1864. № 265. 3 дек.
 15. *Завалишин Д. И.* Письма о Сибири // *Московские ведомости*. 1864. № 232. 24 окт.
 16. *Завалишин Д. И.* Письма о Сибири // *Московские ведомости*. 1864. № 217. 6 окт.
 17. *Чернышов С. А.* Присоединение Западной Сибири к Русскому государству в XVI–XVII вв.: торгово-экономический аспект // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 370. С. 105–108.
 18. *Софронов В. Ю.* Сибирь и Россия: причины и перспективы закладки первых сибирских городов в конце XVI – начале XVII вв. // *Национальные приоритеты России*. 2024. № 1 (52). С. 3–10; № 2 (53). С. 3–16.
 19. *Завалишин Д. И.* Письма о Сибири // *Московские ведомости*. 1865. № 42. 25 февр.
 20. *Завалишин Д. И.* Письма о Сибири // *Московские ведомости*. 1864. № 276. 16 дек.
 21. *Степанов А. П.* Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 2.
 22. *Царев В. И., Васильев Н. О., Царев В. В.* Казенные селения Енисейской губернии: история формирования и развития (на примере села Ермаковского) // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета. История и культурология*. 2013. № 4. С. 200–212.

23. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 474 с.
24. Архипов С. В., Шкабин Г. С. Опыт организации поселений ссыльных в реализации колонизационной политики России в первой половине XIX в.: историко-правовой аспект // Московский юридический журнал. 2021. № 4. С. 24–35.
25. Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Взгляд на причины преступности в России за тысячелетие. В 2-х ч. Часть 2. Домодедово : РИПК работников МВД России, 1998. 69 с.
26. Сальникова Е. С. Быт, нравы, образ жизни уголовных ссыльных Восточной Сибири 80-90-х гг. XIX в. // Общество: история, философия, культура. 2024. № 6. С. 208–212.
27. Макарова А. И. Уголовная ссылка и ее влияние на коренное население Якутии во второй половине XIX – начале XX вв. // Общество: история, философия, культура. 2021. № 10. С. 55–58.
28. Сысоев А. А., Кавецкий Д. Б. Пенитенциарная политика самодержавия и ее влияние на личную и имущественную безопасность сибирского населения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 92–104.
29. Короленко В. Г. Очерки и рассказы. 1886.
30. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.
31. Чехов А. П. Остров Сахалин // Русская мысль. 1893. №№ 10–12; 1894. №№ 2–7.
32. Скабичевский А. М. Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне // Русская мысль. 1898. №№ 9–10.

References

1. Lamin, V.A. (ed.) (2009) Ssylka v Sibir v XVII – pervoy polovine XX v. [Exile to Siberia in the 17th – first half of the 20th centuries]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. [Online] Available from: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (Accessed: 3.02.2024).
2. Margolis, A.D. (1995) *Tiur'ma i ssylka v imperatorskoy Rossii: issledovaniya i arkhivnye nakhodki* [Prison and exile in imperyal Russia: Research and archival findings]. Moscow: Izdatel'stvo "Lantern"; "Vita".
3. Ivanov, A.A. (2014) Ugolovnaya ssylka v Sibir' v XVII – XIX vv.: chislennost', razmeshchenie, ispol'zovanie v ekonomike regiona [Penal exile to Siberia in the 17th–19th centuries: Numbers, distribution, and economic use in the region]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 1 (27). pp. 42–53.

4. Ivanov, A.A., Kuras, S.L. & Kuras, T.L. (2023) Sibirskaya ssylka i ee reformirovanie v period pravleniya Petra Velikogo (XVII–XVIII vv.) [Siberian exile and its reform during the reign of Peter the Great (17th–18th centuries)]. *Nauchnyi dyalog*. 12 (2). pp. 320–335.
5. Korablin, K.K. (2017) K voprosu ob ispol'zovanii truda ssyl'nokatorzhnykh pri osvoenii i zaselenii Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVI – nachale XX vv. [On the use of convict labor in the development and settlement of Siberia and the Far East in the 16th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 1 (39). pp. 54–68.
6. Uporov, I.V. (2004) *Penitentsyarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv.: Istoriko-pravovoy analiz tendentsii razvitiya* [Penitentiary policy in Russia in the 18th–20th centuries: A historical-legal analysis of development trends]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
7. Gorskaya, N.I. (2018) Tiuremnaya reforma i ee otrazhenie na stranitsakh “Vestnika Evropy” i “Russkogo vestnika” [Prison reform and its reflection in “Vestnik Evropy” and “Russkiy vestnik”]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (43). pp. 324–342.
8. Pyatkova, S.G. (2023) Politicheskaya ssylka na stranitsakh zhurnala “Russkiy arkhiv” vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Political exile in the pages of the journal “Russkiy arkhiv” in the second half of the 19th – early 20th century]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 4. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9712> (Accessed: 10.02.2025).
9. Khlamova, A.M. (2025) “Baby zdes' poteryannye...” Obraz ugolovnoy ssyl'noy v Sibiri na stranitsakh obshchestvenno-politicheskikh zhurnalov vtoroy poloviny XIX veka [“Women here are lost...” The image of female exiles in Siberia in socio-political journals of the second half of the 19th century]. [Online] Available from: <https://bsk.nios.ru/content/baby-zdes-poteryannye-obraz-ugolovnoy-ssylnoy-v-sibiri-na-stranichah-obshchestvenno> (Accessed: 10.02.2025).
10. Kravtsov, A.N. (2023) Pis'ma dekabrista D.I. Zavalishina k redaktoru S.N. Shubinskomu: vzaimootnosheniya avtora i izdatelya v kontse XIX veka [Letters of the Decembrist D.I. Zavalishin to editor S.N. Shubinskiy: Author–publisher relations in the late 19th century]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 1 (118). pp. 34–62.
11. Frolov, A.F. (1882) Vospominaniya Aleksandra Filippovicha Frolova. Po povodu statei D.I. Zavalishina [Memoirs of Alexander Filippovich Frolov: On the articles of D. I. Zavalishin]. *Russkaya Starina*. 34 (5). pp. 465–482.
12. Belogolovyy, N.A. (1990) Iz vospominanii sibiryaka o dekabristakh. Chast' XVI [From the memoirs of a Siberian about the Decembrists. Part XVI]. In: *Russkie memuary. Izbrannye stranitsy 1826–1856 gg.* [Russian Memoirs: Selected Pages of 1826–1856]. Moscow: Pravda.
13. Gessen, S. (1933) P.N. Svistunov i A.F. Frolov v bor'be s D.I. Zavalishinym [P.N. Svistunov and A.F. Frolov in the struggle against D.I. Zavalishin]. In: *Vos-*

- pominaniya i rasskazy deyatelei tainykh obshchestv 1820-kh godov* [Memoirs and Stories of Participants in Secret Societies of the 1820s]. Vol. II. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. pp. 227–240.
14. Zavalishin, D.I. (1864) Pis'ma o Sibiri [Letters about Siberia]. *Moskovskie vedomosti*. 265. December 3.
 15. Zavalishin, D.I. (1864) Pis'ma o Sibiri [Letters about Siberia]. *Moskovskie vedomosti*. 232. October 24.
 16. Zavalishin, D.I. (1864) Pis'ma o Sibiri [Letters about Siberia]. *Moskovskie vedomosti*. 217. October 6.
 17. Chernyshov, S.A. (2013) Prisoedinenie Zapadnoy Sibiri k Russkomu gosudarstvu v XVI–XVII vv.: torgovo-ekonomicheskii aspekt [The accession of Western Siberia to the Russian state in the 16th–17th centuries: Trade and economic aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 370. pp. 105–108.
 18. Sofronov, V.Yu. (2024) Sibir' i Rossiya: prichiny i perspektivy zakladki pervykh sibirskikh gorodov v kontse XVI – nachale XVII vv. [Siberia and Russia: Reasons and prospects for the founding of the first Siberian towns in the late 16th – early 17th centuries]. *Natsional'nye priority Rossii*. 1 (52). pp. 3–10; 2 (53). pp. 3–16.
 19. Zavalishin, D.I. (1865) Pis'ma o Sibiri [Letters about Siberia]. *Moskovskie vedomosti*. 42. February 25.
 20. Zavalishin, D.I. (1864) Pis'ma o Sibiri [Letters about Siberia]. *Moskovskie vedomosti*. 276. December 16.
 21. Stepanov, A.P. (1835) *Eniseiskaya guberniya* [Yenisei Governorate]. Pt. 2. Saint Petersburg.
 22. Tsarev, V.I., Vasil'ev, N.O. & Tsarev, V.V. (2013) Kazennye seleniya Eniseiskoy gubernii: istoriya formirovaniya i razvitiya (na primere sela Ermakovskogo) [State-owned settlements of Yenisei Governorate: History of formation and development (on the example of Ermakovskoye village)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. Istoriya i kul'turologiya*. 4. pp. 200–212.
 23. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a colony]. Saint Petersburg.
 24. Arkhipov, S.V. & Shkabin, G.S. (2021) Opyt organizatsii poselenii ssyl'nykh v realizatsii kolonizatsionnoy politiki Rossii v pervoy polovine XIX v.: istoriko-pravovoy aspekt [The experience of organizing settlements of exiles in the implementation of Russia's colonization policy in the first half of the 19th century: Historical and legal aspect]. *Moskovskiy yuridicheskii zhurnal*. 4. pp. 24–35.
 25. Vlasov, V.I. & Goncharov, N.F. (1998) *Vzglyad na prichiny prestupnosti v Rossii za tysyacheletie. V 2-kh ch.* [A look at the causes of crime in Russia over a millennium. In 2 pts]. Pt. 2. Domodedovo: RIPK rabotnikov MVD Rossii.

26. Sal'nikova, E.S. (2024) Byt, nruvy, obraz zhizni ugodovnykh ssyl'nykh Vostochnoy Sibiri 80–90-kh gg. XIX v. [Life, customs, and lifestyle of criminal exiles in Eastern Siberia in the 1880s–1890s]. *Obshchestvo: istoriya, filosofiya, kul'tura*. 6. pp. 208–212.
27. Makarova, A.I. (2021) Ugodovnaya ssylka i ee vliyaniye na korennoye naseleniye Yakutii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Penal exile and its influence on the indigenous population of Yakutia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Obshchestvo: istoriya, filosofiya, kul'tura*. 10. pp. 55–58.
28. Sysoev, A.A. & Kavetskiy, D.B. (2016) Penitentsyarnaya politika samodержaviya i ee vliyaniye na lichnyuyu i imushchestvennyuyu bezopasnost' sibirskogo naseleniya [The penitentiary policy of the autocracy and its impact on the personal and property security of the Siberian population]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2 (77). pp. 92–104.
29. Korolenko, V.G. (1886) *Ocherki i rasskazy* [Sketches and stories]. S.l.: [s.n.].
30. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic, and historical terms]. Saint Petersburg.
31. Chekhov, A.P. (1893–1894) Ostrov Sakhalin [Sakhalin Island]. *Russkaya mysl'*. 10–12; 2–7.
32. Skabichevskiy, A.M. (1898) Katorga pyat' desyat let tomu nazad i nyne [Hard labor fifty years ago and now]. *Russkaya mysl'*. 9–10.

Сведения об авторе:

Перевалова Елена Владимировна – д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций им. М. Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yelena V. Perevalova, Dr. Sci. (Philology), docent, head of the department, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.04.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 09.06.2025*

*The article was submitted 01.04.2025;
approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 09.06.2025*